

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Венец Гекаты

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга выходила под названием
«Клавесин Марии-Антуанетты»

Александрова, Наталья.

А46 Венец Гекаты : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-104111-3

Квалифицированный эксперт и реставратор с мировым именем Дмитрий Старыгин был авантюристом по жизни и, несмотря на тихую кабинетную работу, пережил столько интереснейших и опасных приключений, что их хватило бы на десяток скромных реставраторов. Вот и на этот раз, откликнувшись на просьбу знакомой пианистки осмотреть антикварный клавесин, Дмитрий случайно обнаружил, что в инструменте устроен тайник, в котором хранились... ноты популярного старинного романса. А что, если нотная запись — это зашифрованное тайное послание?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104111-3

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

— Ну что это такое! — Амалия Антоновна поморщилась. — Опять до второй октавы фальшивит! Густав Карлович обещал что-то сделать, но воз и ныне там!

Старушка выразительно поджала губки, но, поскольку этого никто не видел, ей стало неинтересно капризничать. Она вздохнула, привычным жестом поправила седые букли и снова заиграла старинный романс: «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Старый клавесин нещадно дребезжал и поскрипывал на трудных пассажах, старушка подпевала ему таким же надтреснутым, дребезжащим, антикварным голоском:

...Не для меня красы твоей блистанье...

Когда-то, очень давно, у нее находили неплохое сопрано, но теперь ее голос был так же далек от сопрано, как она сама — от той очаровательной барышни с огромным черным бантом в волосах, которая слушала соловьев в Шуваловском парке и целовалась с курсантом - моряком...

Как же его звали? Владимир? Андрей?

Нет, не вспомнить, имя курсанта бесследно улетучилось из ее памяти!

...Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость, и молодость погибшую мою...

Амалия Антоновна расчувствовалась. Она прикрыла глаза, промокнула их кружевным платочком с изящно вышитыми инициалами, отъехала от клавирина вместе с вращающимся табуретом, взяла с палисандрового ломберного столика крошечную, на десять граммов, хрустальную рюмочку и недрогнувшей рукой налила в нее французского коньяка.

Этот коньяк привезла ей из Парижа Лиза на прошлое Рождество, подарила со смехом, сказала: «Только не спейтесь, тетя Малли».

Это имя — Малли — придумал для нее один из ухажеров лет семьдесят тому назад. Кто же он был — инженер? Военный? И как его звали? Она не могла вспомнить, как ни старалась, но выдуманное им имя закрепилось за Амалией Антоновной на всю жизнь.

Лиза... где она сейчас? Кажется, в Амстердаме... какие настали интересные времена — для молодых талантливых людей появилось столько возможностей!

Амалия Антоновна лихо опрокинула рюмочку, взглянула на бутылку. С минувшего Рождества коньяку в ней почти не убавилось, так что бытовой алкоголизм ей не грозит. Впрочем, в ее возрасте это было бы даже забавно.

Ох уж эта Лиза! Как редко она все же навещает старуху!

Хотя, конечно, чего можно от нее требовать — ведь она ей никто, даже не родня.

Амалия Антоновна привычно огорчилась.

Никого из ее прежних друзей давно уже нет в живых, единственный родственник — троюродный племянник — живет в другом городе, появляется очень редко, да, честно говоря, его визиты Амалию Антоновну несколько не радуют. Все же он человек совершенно не ее круга, их интересы удивительно далеки. Собственно, единственный его интерес — это

ее квартира и вещи, да и то постольку, поскольку их можно выгодно продать. Она не раз замечала алчные взгляды, которые племянник бросал на ее обстановку.

«Нет, милый, придется тебе потерпеть! Я еще жива!»

Впрочем, она сама иногда в этом сомневалась: порой она казалась себе не живым человеком, а музейным экспонатом, антикварной безделушкой — вроде этих старинных кукол, рядком рассевишихся на крышке клавесина.

Нет, с племянником у нее не было ничего общего. Вот Лиза — это совсем другое дело, она действительно умеет слушать, у нее такой приятный голос и внимательные глаза...

В дверь позвонили.

Кто бы это мог быть? Ах, ну да, наверное, это Мария Тимофеевна пришла из магазина.

Амалия Антоновна подхватила палочку с черепашковой ручкой, оперлась на нее и пошла к двери.

Она вполне могла ходить и без палочки, но иногда ей хотелось изобразить немощную старуху. Тем более перед соседями. Глядишь, чем-то и помогут, хоть в магазин сходят.

Амалия Антоновна, не спрашивая, кто там, отперла дверь.

На пороге вместо соседки появился высокий, немногосутулый мужчина с круглым широким лицом, чем-то похожий на сову — крючковатый нос, круглые моргающие глаза... Этот человек был ей вроде бы знаком, но Амалия Антоновна никак не могла вспомнить, где она с ним встречалась.

— Что же вы так — не спрашиваете? — пожурил ее гость. — Так ведь кто угодно может к вам войти! Сейчас столько опасных людей!.. Нужно быть осторожнее!

— Ах, милый! — Амалия Антоновна закатила глаза. — Мне в моем возрасте уже нечего бояться! На мою честь вряд ли кто-то покусится, а современные грабители не интересуются старьем. Его ведь еще нужно сбыть... Но простите, мон шер, не могу припомнить ваше имя... мы ведь с вами уже встречались?

— Я корреспондент журнала «Русская старина», — проговорил гость, протискиваясь в прихожую, — меня зовут Иван Каменский. Я звонил вам на днях, просил о встрече. Вы обещали мне рассказать о своей бурной молодости.

— Ах, ну да! — Амалия Антоновна виновато потупилась. — Я совершенно запамятовала... Видите ли, все, что случилось на днях, моментально улетучивается из моей памяти. Вот молодость — это совсем другое дело. Пойдемте, мой дорогой!

Она развернулась и, постукивая палочкой, неспешно отправилась в обратный путь — в свою скромную гостиную, которая по совместительству была ее кабинетом, и будуаром, и столовой, да и, что уж греха таить, спальней.

— Присаживайтесь, друг мой! — Она светским жестом указала гостю на диван красного дерева. — Не хотите ли капельку коньяку? У меня есть настоящий, французский. Лиза привезла его на прошлое Рождество из Парижа... ах да, вы ведь не знаете Лизу...

— Нет, к сожалению, — гость виновато заморгал, при этом сделавшись еще больше похожим на сову. — А где она сейчас, Лиза?

— Кажется, в Амстердаме... а что, разве вы с ней знакомы?

— А кроме нее, у вас никого не бывает? — продолжил гость, проигнорировав вопрос Амалии Антоновны.

— Нет, никого... только племянник, но он приезжает редко, очень редко.

Вместо того чтобы сесть, гость подошел к клавесину, внимательно осмотрел его, приподнял крышку.

— Вы любите музыку? — Амалия Антоновна заметно оживилась, села на табурет, развернула ноты. — Хотите, я вам сыграю и спою? Когда-то у меня было неплохое сопрано, даже сам профессор Гориславский отметил его...

— Да что вы говорите? — Гость изобразил вежливое удивление. — Ну что ж, сыграйте, сделайте милость!

Амалия Антоновна не заставила себя уговаривать.

Она опустила на табурет, раскрыла пожелтевший от времени нотный сборник и объявила:

— «Ты мне клялся». Старинный романс.

Она опустила руки на клавиши и запела с большим чувством:

Ты мне клялся душой сначала,
Назвал душенькой ты меня...

Однако невоспитанный гость, вместо того чтобы вежливо слушать престарелую певицу, так и крутился вокруг клавесина. Он поднял его резную крышку и беззастенчиво разглядывал внутренности старинного инструмента.

— Молодой человек, — обиженно проговорила Амалия Антоновна, убрав руки с клавиатуры. — Кажется, я пою для вас! Или вам это совсем неинтересно?

— Интересно, очень интересно! — возразил мужчина. — Кажется, это именно то, что я искал...

С этими словами он зашел за спину хозяйки и молниеносным движением накинуд ей на шею шелковый шнурок.

— Что вы... — хотела возмущенно воскликнуть Амалия Антоновна, но ее голос, который когда-то похвалил сам профессор Гориславский, отказал ей в эту критическую минуту. Впрочем, и неудивительно: шелковый шнурок, затянувшись, перехватил горло старушки, и она вместо возмущенного возгласа издала жалкий предсмертный хрип. В глазах у нее потемнело, и Амалия Антоновна отправилась в тот мир, где ее давно уже дожидались сверстники — и тот курсант-моряк, с которым она целовалась в Шуваловском парке, и инженер, который семьдесят лет тому назад придумал для нее милое прозвище Малли... в последнее мгновение она вспомнила, как его звали — Николай.

Похожий на сову человек подхватил безвольно обмякшее тело старухи и перенес его на диван. После этого он засучил рукава и склонился над клавишином.

Но поработать как следует он не успел, потому что в дверь квартиры позвонили. Мало того — с площадки донесся заливистый собачий лай.

Мужчина вполголоса выругался и шагнул к окну, задернутому плотными шторами.

— Кузенька, не торопись! — Мария Тимофеевна зажала под мышкой поводок, перехватила в левую руку тяжелую хозяйственную сумку с продуктами и приложила к кнопке ключ домофона. Симпатичный скотчтерьер первым проскочил в открывшуюся дверь и побежал наверх, волоча за собой поводок.

Хозяйка привычно умилилась на своего питомца, тяжело вздохнула и приступила к подъему. Лестница в старом доме была крутая, зато площадки между маршами — широкие и окна — красивой полукруглой формы. Между вторым и третьим этажами Мария Тимофеевна остановилась передохнуть. На лестнице

было чисто, пахло освежителем воздуха и едва заметно — краской.

Мария Тимофеевна радостно огляделась — она никак не могла привыкнуть, что в родном подъезде вместо обшарпанных стен и падающих на голову кусков осыпавшейся штукатурки теперь такая красота! Счастье привалило случайно.

Крупная московская фирма открыла в городе свой филиал и купила в их подъезде две квартиры для своих сотрудников. Не успели выехать старые жильцы, как явился прораб — разбитной коренастый мужичок с цепкими глазками, посматривающими по сторонам из-под низко надвинутой кепки, — и начал что-то высматривать и вымеривать. После чего на три месяца весь подъезд потерял покой от непрерывного стука и грохота. Зато напоследок прораб привел двух смуглых теток с золотыми зубами, которые аккуратно выкрасили и побелили лестницу до второго этажа. А сын Марии Тимофеевны не растерялся и тут же договорился с этими тетками, чтобы они продолжили свое доброе дело вплоть до третьего этажа.

Тут Марию Тимофеевну отвлекло поведение Кузи. Вместо того чтобы смиренно ждать хозяйку на коврике возле собственной двери, скотчтерьер повел себя странно. Он подбежал к двери напротив и залаял сердито и громко.

— Ах ты проказник! — Старушка подхватила сумки и заторопилась наверх.

С трудом отогнав Кузю, она позвонила в соседскую дверь и подождала минут пять — женщина там живет немолодая, пока услышит, пока дойдет... Никто не открыл. Мария Тимофеевна не удивилась и позвонила снова — ведь Амалия Антоновна малость на ухо туговата, хоть и музицировать любит. Как запоеет и заиграет, не то что звонка в дверь — сирены пожарной не услышит!

Звонок раскатился за дверью долгим звоном, ему вторил взволнованный лай Кузи.

— Да замолчи ты! — Хозяйка замахнулась на песика поводком и постучала в дверь: — Амалия Антоновна! Откройте! Я вам молока принесла! Два пакета, как просили!

По-прежнему никто не открыл, зато лай собачки перешел в злобное повизгивание с подвываниями. Кузя бросался на дверь, как тореадор на быка, из-за такого шума нечего было и думать услышать, что творится в квартире.

— Ладно, Кузя, — решительно сказала Мария Тимофеевна, — у нас же есть ключи. Сейчас тебя домой отведу и ключи заодно возьму.

Мария Тимофеевна была женщиной аккуратной и осторожной. Ключи от квартиры соседки не болтались у нее в прихожей на гвоздике, а спокойно лежали, убранные в ящик кухонного стола. Кузю в свою квартиру ей удалось затащить с большим трудом.

Бросив сумку прямо в прихожей, не снимая ботинок, Мария Тимофеевна сбегала на кухню за ключами и снова вышла на площадку. На звонок по-прежнему никто не ответил, она сунулась было к замку, но руки дрожали, и сердце как-то странно замирало. Из ее квартиры раздавался вой Кузи.

Мария Тимофеевна поняла, что ей страшно и одна она в квартиру соседки ни за что не пойдет. Кого бы позвать с собой? Ее домашние все на работе, эти богатенькие со второго этажа — тоже, а если и есть там кто-то, то все равно не пойдут, чтобы не связываться.

Соседка вздохнула и поспешила наверх.

На четвертом этаже красотой и не пахло. А пахло капустой и тухлой селедкой, как во всяком подъезде старого запущенного дома. Мария Тимофеевна позвонила в обе квартиры. Открыли только в той, что

была расположена над апартаментами Амалии Антоновны.

Женщина, появившаяся на пороге, была несомненно молода, но весьма потрепана жизнью. А скорее всего, такую жизнь она сама себе выбрала и отказываться от нее не имела ни сил, ни желания. С трудом найдя поясок халата, она зевнула во весь рот, и Марию Тимофеевну обдал густой запах перегара.

— С добрым утром! — хриплым голосом сказала женщина.

— Ох, Вера, — поморщилась соседка, — первый час, какое уж утро! А ты все квасишь?

— Да что я, что я! — вяло попыталась оправдаться Вера. — Если у нас с Толиком праздник вчера был!..

— Да у вас как деньги на выпивку есть — так и праздник! — с сердцем сказала соседка. — Ну да ладно, хорошо, что ты дома, сходи со мной к Амалии Антоновне, она не открывает, а мне одной боязно — как бы чего не случилось...

— Никак померла? — поинтересовалась Вера без особого интереса.

— Типун тебе на язык! — замахала руками Мария Тимофеевна. — Еще накаркаешь!

— А что такого? — Вера пожала плечами. — Ей сколько лет, наверное, больше восьмидесяти?

— Говорит, что семьдесят девять, но уже лет десять эта цифра не меняется, — неохотно ответила соседка. — Ну, пошли, что ли? Чего зря тянуть...

— Боюсь, — Вера отшатнулась, — может, Толика позвать?

— Вот Толика точно не надо! — твердо ответила соседка и пошла вниз. Вера потащила за ней.

Кузя по-прежнему злобно лаял за своей дверью. Вера взяла из рук Марии Тимофеевны ключ и отперла замок. В квартире стояла мертвая тишина.

Выпихивая друг дружку вперед, соседки прошли в полутемную комнату.

— Да вот же она! — обрадованно завопила Вера. — Задремала просто на диване! Обычное дело — пожилой человек, прилегла и уснула, а вы сразу в панику...

Мария Тимофеевна поджала губы и подошла к дивану.

— Амалия Антоновна, голубушка, что с вами?

Никто не отозвался, только портьера на окне колынулась — чуть заметно.

Мария Тимофеевна осторожно тронула лежащую за плечо. От легкого толчка тело повернулось, и соседки хором закричали от ужаса. На них глядело мертвое синее лицо, глаза вылезли из орбит, изо рта вывалился багровый язык.

Вера икнула и сползла по стенке на пол. Мария Тимофеевна, стараясь не смотреть в страшное лицо, отошла от дивана и нагнулась к Вере. Та была в обмороке.

— Да что ж такое! — с досадой крикнула Мария Тимофеевна. — С тобой еще возиться! Ну и молодежь нынче хилая пошла! Квасить-то у нее здоровья хватает...

Сама она держалась бодро, хотя сердце стремилось выпрыгнуть из груди, а в ушах бухал колокол.

«Милицию или “Скорую”, — подумала Мария Тимофеевна, — лучше милицию, пускай они сами разбираются».

Чтобы пройти к телефону, требовалось обогнуть диван, и тут Мария Тимофеевна заметила тонкую лиловую полосу на шее Амалии — под стоячим воротничком кружевной блузки. Крик застыл у нее в горле. Она выскочила из квартиры и от волнения побежала не к себе, а наверх.

Несмотря на то что сердце билось еще сильнее, Мария Тимофеевна с маху скакнула на четвертый

этаж горной серной и заколотила в дверь соседней ногой.

Явился Толик, здоровенный амбал в вылинявшей тельняшке с оторванными рукавами — очевидно, чтобы все могли оценить его бицепсы и татуировки.

Позвонив по телефону, поддерживаемая Толиком, Мария Тимофеевна на нетвердых ногах спустилась вниз. Дверь квартиры Амалии была распахнута настежь. Вера сидела на полу, очумело крутя головой. Портьера больше не колыхалась.

— Ни фиги себе! — Толик подошел к дивану.

— Не трогай там ничего! — слабым голосом сказала Мария Тимофеевна. Она регулярно смотрела детективные сериалы и знала, как следует вести себя на месте преступления. Женщина опустилась на вертящийся стул возле клавесина с нотами, раскрытыми на романсе. Ее взгляд невольно остановился на словах:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость, и молодость погибшую мою.

Не успели бравые, слегка поддатые санитары вынести из квартиры бранные останки Амалии Антоновны и без всякого почтения к покойной запихнуть их в труповозку, как на пороге квартиры появилась Раиса Павловна — сотрудница жилконторы в неизвестном чине и с непонятными обязанностями, но с начальственными замашками и с административной «халой» на голове.

По мнению жильцов, единственное, чем занималась Раиса Павловна за свою немаленькую зарплату, — это разъясняла населению в доступной форме, что оно, это население, само виновато в том, что топить в этом году начнут значительно